

КЛИНИЧЕСКИЙ ПСИХОАНАЛИЗ

КЛАССИКИ ФРАНЦУЗСКОГО ПСИХОАНАЛИЗА

Процесс завершения лечения при психозе: ни прерывание, ни лечение без конца

А. Жибо

(Пер. с фр.: Р. Ф. Сахле)

Ален Жибо – психоаналитик, действительный член Международной психоаналитической ассоциации, титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), тренинг-аналитик (SPP), экс-президент Европейской федерации психоанализа, экс-генеральный секретарь Международной психоаналитической ассоциации, почетный директор Парижского центра психоанализа и психотерапии имени Э. и Ж. Кестемберг.

В этой работе автор возвращается к гипотезе о невротизации психоза как терапевтической цели, анализируя ее актуальность в свете современных психоаналитических исследований. Обсуждаются метапсихологические аспекты изменений при психозе, особенности аналитического процесса, включая перенос, расщепление Я и отрицание. На примере клинических случаев психотических пациентов демонстрируются условия успешного завершения лечения, подчеркивающие переход от отчуждения к способности символизировать, ассоциировать и играть с аффектами, репрезентациями и словами.

Ключевые слова: психоз, завершение лечения, невротизация, расщепление Я, психодрама.

В старой статье о завершении лечения психотических пациентов Эвелин Кестемберг (1958) отмечала: «Мы сочли необходимым показать здесь, что невротизация трансферентных отношений, со всеми ее разнообразными оттенками, имела неструктурирующую ценность для этих хрупких Я и ее значение было таково, что могло привести к полезному завершению лечения. Мы уточняем – "полезному", что не означает непосредственно "необходимому"» (р. 53). Опираясь на идею полезного завершения,

Э. Кестемберг подчеркнула ценность позитивного обрыва лечения пациентом, а не процесса завершения, при котором иногда есть риск для аналитика отрицать «реструктуризацию защит» и важность сепарации. Эта идея невротизации психоза, таким образом, инициировала размышления о проблемах «определенной работы по структурированию Я», позволяющей планировать завершение психоаналитического лечения без дезорганизации пациента; другими возможными решениями могли быть либо преждевременный обрыв аналитической работы, либо даже перспектива бесконечного анализа.

Имеет ли сегодня смысл гипотеза о невротизации психоза как терапевтической цели после более чем 60 лет исследований, проведенных в отношении анализа пациентов с психотическим функционированием? Несколько десятилетий спустя Поль-Клод Ракамье (1984) относился к этой гипотезе с большей сдержанностью и отмечал, что «ранее преобладало мнение, что на структурном уровне аналитическая работа в благоприятных случаях приводит к переходу субъекта из психотического регистра в невротический», но, добавлял он, «мнение практиков сегодня гораздо менее категорично и более дифференцировано» (р. 4).

Позднее Мари-Лиз Ру и я (1999) в статье «Задачи и цели лечения психотических пациентов» затронули проблематику завершения такого лечения, не упоминая идеи невротизации психоза. Мы описывали так называемый парадокс «излечения» пациентов, чей основной страх заключается в том, чтобы их «лечил» аналитик, с защитой в виде противоположного проекта – «лечить» самого аналитика. Об этом свидетельствует история, рассказанная Бионом: когда ему представили для консультации крайне тревожного психотического пациента, Бцион дал ему следующую интерпретацию: «Успокойтесь, я не собираюсь вас лечить!» – и пациент немедленно стал менее тревожным.

Итак, какую терапевтическую перспективу мы можем сегодня рассматривать в аналитической работе с такими пациентами? В нашей статье Мари-Лиз Ру и я все же предлагаем идею аналитического процесса, включающего различные этапы: пробуждение у пациента интереса к его психическому функционированию, работу над дифференциацией, развитие способности к символизации и репрезентации объекта, восстановление связи с темпоральностью и историчностью и, наконец, работу горя, позволяющую сепарироваться от аналитика и принять «обычные трудности жизни».

Недавно Вассилис Капсамбелис (2020) в своей книге «Шизофреник, нуждающийся в объекте» описал терапевтический процесс, состоящий из трех этапов. Сначала этап *объектной интерпозиции*, на котором аналитику следует предлагать себя или, скорее, *навязывать* себя как объект для инвестирования, в то время как пациент сталкивается с парадоксом необходимости инвестирования объекта и одновременно с интрузивной угрозой существования другого и исчезновения Я. Затем *эротоманический этап*, который начинается с *объектализующей иллюзии*, когда пациент начинает признавать существование желаний по отношению к нему, что представляет собой реальность, которая оказывает сопротивление, но при

этом он не признает собственных желаний по отношению к объекту, чего он боится сильнее. Он чувствует себя любимым, не будучи обязанным высказываться о том, что он любит сам. Это побуждает В. Капсамбелиса уточнить, что терапевтические отношения на этом этапе обладают всей стабильностью и длительностью эротоманических отношений. Наконец, третий этап – этап «объекта объекта», в ходе которого «пациент-субъект в конечном итоге начинает репрезентировать объект как независимый от него и наделенный собственными влечениями, которые предназначены для него», то есть он репрезентирует объект объекта: объект желаний своего объекта, где в конечном счете реальность – это желание другого (р. 71) и, следовательно, у объекта имеется своя собственная жизнь вне жизни пациента.

Терапевтический подход к шизофреническим пациентам поднимает вопрос об аналитическом процессе, о возможностях перехода от нужды в объекте к принятию существования другого и собственного существования, а также об условиях завершения работы с такими пациентами. Эти различные подходы к аналитическому процессу в работе с психотическими пациентами таким образом определяют возможные условия процесса завершения, который не был бы ни преждевременным прерыванием, ни лечением без конца.

В этой статье я намерен вернуться к этой теме и поставить вопрос об изменениях при психозе с метапсихологической точки зрения, то есть о топических, динамических и экономических изменениях, и таким образом поразмышлять о проблемах аналитического процесса при работе с пациентами с психотическим функционированием. Затем я приведу несколько клинических случаев, которые позволили осуществить процесс завершения, и терапевтические условия этого процесса.

Теория психоза

Психотическая тревога была описана Фрейдом как движение недифференциации с объектом, вызывающее тревогу спутанности. Эта тревога приводит к насилию, направленному на разрушение объекта или самого субъекта, чтобы он мог выйти из этой спутанности, – Андре Грин (1980) называл это *заклинанием объекта*. Отсюда возникает тревога уничтожения, из которой субъект переходит в движение по реинвестированию объекта, коррелирующее с галлюцинаторным инвестированием мира и созданием бредовой неореальности.

С этой точки зрения необходимо было предположить континуум между невротической способностью организовывать объектное инвестирование и психотической утратой этой способности, что для Фрейда означало утрату способности организовывать перенос. В поисках специфического механизма психоза Фрейд (1923 [1924]) противопоставил, как известно, вытеснение при неврозе отрицанию реальности при психозе. Таким образом, утрата реальности при психозе коррелировала с *полным* отрицанием реальности, что усиливало доводы в пользу невозможности опираться на перенос при лечении психотических пациентов, даже если формирование

бреда понималось как «попытка излечения» и восстановления связи с объектным миром. Состояние замкнутости у психотических детей, как и у шизофреников, соответствует регрессии к необъектному аутоэротизму, что, по мнению Фрейда, свидетельствовало об отсутствии переноса у психотиков, из-за чего и невозможно использовать для их лечения классический психоаналитический метод.

Но в конце своего творчества, в «Очерке психоанализа» (1938 [1940]), Фрейд, как известно, возвращаясь к своим выводам, заявляет, что при психозе отрицание никогда не бывает полным: «Проблема психоза была бы простой и прозрачной, если бы отделение Я от реальности могло быть полным. Но похоже, что такое случается очень редко, а возможно, и никогда не происходит... Из того, что сообщают пациенты после их выздоровления, мы узнаем, что все то время в каком-то уголке их души, как они сами выражаются, скрывался нормальный человек, который, подобно *беспристрастному наблюдателю*, позволял болезненным фантазмам проходить перед ним» (р. 299–300, подчеркнуто мной. – Прим. А. Ж.). Это противоречие в текстах Фрейда следует рассматривать в контексте его исследований о психозе, в частности, в связи с открытием нарциссизма. Если Фрейд настаивает на функции бреда при психозе, он одновременно ссылается на организацию Я (расщепление Я), отличную от той, что существует при неврозе, подчеркивая преобладание нарциссических инвестиций или нарциссического течения.

Гипотеза «расщепления Я» предполагает сосуществование двух психических течений: одно принимает кастрацию матери и утрату первичного объекта, тогда как другое отказывается от нее (*Verleugnung*) и отбрасывает ее (*Verwerfung*). Однако гипотеза «разрыва в Я», соответствующего, согласно Фрейду, расщеплению Я, может быть понята в *топической* перспективе, предполагающей непреодолимый разрыв между неврозом и психозом, или в *экономической* перспективе, допускающей наличие точек перехода между нарциссическим отчуждением и объектным инвестированием. Вместо того чтобы рассматривать расщепление Я как непреодолимый дефицит, его можно понимать как экономическое расширение защитного механизма и организации первичного Я. С этой точки зрения различие нозографических категорий менее актуально, чем возможность показать, каким образом различия в психической экономии могут приводить к структурным различиям. Подобным образом отрицание можно рассматривать как специфическую форму вытеснения, которая вытесняет не только репрезентации и аффекты, но и способ функционирования Я.

В классическом вытеснении, характерном для невротической организации, всегда возможно связать репрезентации и аффекты. В психотической и перверсивной организации, где преобладают нарциссические инвестиции, происходит изменение экономии и провал контринвестирования. Я, утратившее свою синтетическую функцию, более не способно устанавливать связи через ассоциации между двумя противоположными позициями: оно вынуждено прибегать к отрицанию и расщеплению, к

сосуществованию двух противоположных и параллельных позиций, чтобы выйти из спутанности с объектом и таким образом контейнировать тревогу уничтожения, которая его затапливает.

Психоз свидетельствует о *реализации* расщепления Я, которое, однако, не является полностью герметичным, и психотическая тревога, таким образом, может рассматриваться как потенциал для трансформации расщепления Я в психический конфликт. По этой причине, парадоксально, именно в небредовых психозах (холодный психоз, пограничные состояния) расщепление Я наиболее полное, и поэтому такие пациенты менее подвержены тревоге утраты своей целостности. Если процесс психоза можно определить через отсылку к отрицанию и расщеплению Я и если психотическая тревога может возвращать субъекта к тому, что Ракамье (1992) называет «комплексом небытия», «к самому рождению психики, где происходит первичное разделение между Я и объектом», то, с другой стороны, она содержит возможность вновь обрести путь к объектам, поскольку она свидетельствует о внутренних конфликтах, которые не были полностью выброшены наружу.

Все эти замечания о влиянии экономического веса инвестиций на вытеснение лежат в основе психоаналитических исследований лечения психотических пациентов. Независимо от различных концепций переноса при психозе, статус объекта и роль проекции в зависимости от психотических состояний определяют подход к переносам в психозе, обладающий своей спецификой. Вслед за Эвелин Кестемберг (1981), вероятно, более уместно говорить, применительно к психозу, о *трансферентном инвестировании*, связанном с недифференциацией имаго, нежели о *переносе в собственном смысле*, который предполагает дифференциацию имаго.

Кроме того, сталкиваясь в аналитической работе с проблемой переноса при психотических состояниях, аналитики наблюдают две противоположные формы: холодный психоз, или небредовый психоз, и бредовый психоз. Две разные экономии, которые, в зависимости от использования объекта и качества проективной работы, могут вести к различным психотическим исходам. С одной стороны – к подавлению аффектов и расщеплению тела при исключении какой-либо символизации: это регистр *небредовых психозов*, или холодных психозов (Kestemberg et Decobert, 1972), среди которых нервная анорексия является одной из наиболее показательных форм, в которой можно обнаружить сходство с аутистическим отчуждением.

Как уже отмечала Э. Кестемберг (1975), объект здесь пунктирен, и формирование фетишистских отношений с объектом может выступать как возможное разрешение проблемы отрицания тела и объекта, что определяет расщепление Я, зачастую герметичное и неспособное к движению. Реальная смерть некоторых пациенток с анорексией свидетельствует об экономической мощи этих примитивных механизмов. Транссексуальное решение также может быть путем трансформации этих небредовых психотических психозов. Кроме того, тяжелые психосоматические дезорганизации, которые Мишель де М'Юзан (1998) предложил называть актуальными психозами, характеризуются отрицанием внутренней реальности,

дефицитом ментализации и дисквалификацией либидинальной энергии инвестирования, что сближает их с описанием холодных психозов Кестембергов. Наконец, встает вопрос о возможных связях между небредовыми психозами и пограничными состояниями.

С другой стороны, психическая экономия других психотических организаций, напротив, стремится сохранить аффекты на психическом уровне при чрезмерной символизации, которая, хотя и устраняет разрыв и дистанцию, тем не менее свидетельствует о решении на уровне репрезентаций: это регистр *бредовых психозов*, которые стремятся включить объект (и восприятия, исходящие от него) и работать с ним, в отличие от небредовых психозов, стремящихся его исключить и работать *против* него. Как отмечает Бион (1970), нельзя сказать, что психотический пациент не способен к формированию символического, но он символизирует чрезмерно и препятствует обучению себя через познание мира. Психотический символ содержит *особое* измерение, которое знаменует отказ от всякого «отцовства мира».

Кадр и интерпретация

Все эти замечания об оценке экономического веса нарциссических и объектных инвестиций лежат в основе различных технических вариантов при лечении психотических пациентов. Поскольку психотическое Я неспособно к объектному переносу невротического типа из-за развившихся трудностей к интроекции и идентификации, приходится прибегать к техническим модификациям. Это модификация прежде всего в *аналитическом кадре*, поскольку неспособность установить смещение дифференцированных имаго на аналитика вынуждает обращаться к вариациям техники по сравнению с классическим лечением на кушетке, как-то: психотерапия лицом к лицу, индивидуальная аналитическая психодрама, привлечение третьего в лице психиатра. При помощи визуальных и моторных средств стимулируется процесс символизации, а материальный третий (психиатр) вмешивается, чтобы ограничить опасность недифференциации и вторжения. Технические модификации касаются также *подхода к интерпретации*, где изначально речь идет не столько о том, чтобы интерпретировать перенос и содержимое бессознательных фантазмов, сколько о модальности психического функционирования: «Если не акцентировать внимание пациента на трансферентном движении, то это позволит ему установить первое вытеснение» (*Gibeault et Roux*, 1999, p. 71). Таким образом, необходимо установить и поддерживать то, что могло бы удерживать в порядке непрерывности Я, в укрытии от внутреннего или внешнего объекта: эта экономическая перспектива подразумевает, следовательно, уважение на протяжении определенного времени к идеализированному объекту, который очень часто устанавливается в лечении психотических пациентов, без немедленной интерпретации негативного переноса. Лишь на втором этапе, исходя из дифференциации имаго, станет возможным интерпретировать перенос и бессознательные фантазмы.

Речь здесь идет о теоретической и технической перспективе, отличающейся от кляйнианского подхода, каким его иллюстрируют работы Биона, Сигал и Розенфельда, при котором ставилась задача способствовать развитию и интерпретации психоза переноса при сохранении условий аналитического кадра пять сеансов в неделю. Э. Кестемберг, напротив, отмечала (1957): «Нам кажется... что следует избегать по мере возможности установки психоза переноса и действовать в направлении *невротизации* психотических трансферентных проявлений. Только эта прогрессирующая невротизация позволит нам вновь обрести с психотическими больными ту грань между фантазмом и реальностью, на которой, как сказал Нахт, мы можем работать» (р. 45, подчеркнуто мной. – Прим. А. Ж.). И добавляет: «В самом деле, если заменить психотическое состояние психозом переноса, то последний представляет собой бредовую конструкцию, защитный характер которой уже невозможно эффективно показать, поскольку аналитик полностью входит в эту конструкцию и составляет реальность, поглощаемую и пожирающую, против которой борется больной и которая запрещает ему всякое автономное действие, кроме этого типа защиты, крайняя точка которой – аутизм или самоубийство» (Ibid.). Эти различия между французским и английским подходами не предполагают замыкания в непримиримой оппозиции. Оба направлены на устойчивое психическое изменение при психотических состояниях, но исходят из различного понимания аналитического процесса и технических модальностей в отношении кадра и интерпретационных модальностей.

Аналитическая работа с психотическими пациентами показывает, что они не способны к игре со словами и репрезентациями. Фрейд (1917) уже отмечал, что сон подразумевает *топическую регрессию*, соответствующую реинвестированию системы восприятие-сознание, на что не способны психотические пациенты, у которых прервано движение между бессознательным и предсознательным из-за сдавливания психической топики. Эта неспособность к топической регрессии также синонимична неспособности к *формальной регрессии*, то есть к преобразованию бессознательных мыслей в образы. Однако лишь прогрессивная интеграция топической и формальной регрессии, конфликтов и найденных способов справиться с порождаемой таким образом тревогой дает возможность проявиться временной регрессии в трех модальностях, согласно Фрейду (1915–1917): *объектной* – в возвращении к объектам прошлого; *либидинальной* – в реинвестировании эрогенных зон, соответствующих первым либидинальным организациям; *нарциссической* – в возвращении к недифференцированному единству с матерью и ностальгии по абсолютному удовлетворению (р. 431–453).

Технический подход в работе с психотическими пациентами имеет главной целью способствовать этой свободной игре в регрессии в аналитическом смысле, не допуская, чтобы предложенный план вызывал психическую дезорганизацию. Работа аналитика будет, таким образом, стремиться как через *предлагаемый кадр*, так и через *интерпретационную технику* создать *пространство игры*, которое позволит пациенту заинтересоваться своей собственной психической продукцией и перестать переживать

ее как ощущения без репрезентаций или репрезентации, исходящие из внешнего персекуторного мира. Аналитику предстоит научиться предлагать пациенту мысли и гипотезы психической работы, которыми последний сможет овладеть и использовать по своему усмотрению.

Отрицание в том смысле, в каком его определил Фрейд (1925), а именно механизм, который позволяет частично снять вытеснение, становится здесь для пациента средством идентификации с интерпретационной функцией аналитика и обеспечения того, чтобы интерпретация не происходила в совпадении и спутанности между *актом* интерпретации и *содержанием* интерпретации (Donnet, 1983). Разнообразные гипотезы, которые здесь будут не навязаны, а предложены пациенту, должны работать на то, чтобы вернуть психической реальности характер амбивалентности, сомнений и неопределенности, тогда как психотические защиты, напротив, стремятся отрицать конфликт амбивалентности и поместить субъекта в мир предсказуемости и абсолютной уверенности.

Беатрис: психоз и индивидуальная психотерапия

В психоаналитической работе с шизофреническими пациентами Мари-Лиз Ру была первооткрывателем, ее взгляды сближали ее с Франсисом Пашем, Поль-Клодом Ракамье и многими из нас в Центре Ж. и Э. Кестемберг. В статье, которую мы написали вместе в конце 1990-х годов, она, в частности, упоминала лечение шизофренической пациентки Беатрис, которую она вела более 10 лет. Это период, который Поль-Клод Ракамье считал необходимым для того, чтобы психотический пациент мог извлечь пользу из аналитической работы.

Индивидуальная психотерапия Беатрис (Roux, 1997, 1994, 2014), молодой шизофренической пациентки, является образцом возможностей аналитической работы при условии того, что она является «щитом Персея», согласно метафоре Франсиса Паша (1971). Чтобы противостоять превращающему в камень взгляду Медузы, нужно смотреть на нее в щите, который служит отражающим зеркалом для преобразования травматического перцептивного опыта в репрезентации, которые идут на пользу мысли. В начале их встречи Беатрис описывается аналитиком как «маленький дикий зверек». Потерянная, грязная, она не переставала трогать все отверстия своего тела: рот, нос, груди, анус и половые органы, в непрерывном и раздражающем для нее самой и для других возбуждении. Она находилась в ужасающей тревоге спутанности с матерью и находила выход в этой неистовой компульсии к самоосязанию.

Во время этого метания пациентка заявила: «Я тень моей матери». Поскольку в тот день была очень хорошая погода, Мари-Лиз Ру подняла руку, показывая ей тень на стене, и спросила: «Вот так?» – «Да». «Тогда, – сказала она, – кто отбрасывает тень?» Очарованная, пациентка воскликнула: «Ах, солнце, солнце, это мой отец». Замечательная интуиция аналитика, которая умело ввела измерение триангуляции в игру, напоминающую психодраму.

Впоследствии пациентка попыталась прикоснуться к телу своего аналитика, нанося ей удары ногами и требуя, чтобы аналитик признала, что ей больно. Мари-Лиз Ру наконец поняла и сказала ей: «Да, вы причиняете мне боль, но вы заставляете меня существовать, таким образом вы – это вы, а я – это я, и вы не моя тень». Это начало различения себя и другого в движении, которое может напоминать о гипотезе Фрейда (1915 [1915с]): «Внешнее, объект, ненавистное были в самом начале идентичны» (р. 181).

В ходе одной из последующих сессий, когда Мари-Лиз Ру оставалась неподвижной и молчаливой перед лицом возбуждения пациентки, Беатрис перестала себя трогать и задала своему аналитику следующий вопрос тоном волнующего отчаяния: «Почему я себя трогаю?» Мари-Лиз Ру ответила ей: «Я не знаю, но я вижу, что, пока вы говорили мне о вашем страдании и о том, что вы чувствуете, вы перестали себя трогать, поэтому я думаю, может, вы трогаете себя, чтобы попытаться выразить эмоцию, которую вы не можете выразить иначе». Такая интерпретация смысла ее действий и ее психического функционирования немедленно позволила пациентке успокоиться.

С этого момента речь больше не заходила о самоосязании, а началась игра, в которой пациентка, просила объяснить аналитика жесты или мимику, спрашивая «что это значит?». И ее аналитик рассказывает историю, связанную с перипетиями ее собственной жизни: «Это как маленькая лошадка, которая идет к своему терапевту», – как рассказывают сказку ребенку, чтобы он смог уснуть и увидеть сны. Тогда Беатрис начала вмешиваться в историю, затем вспоминать события своего детства, пытаясь найти в них смысл. Теперь, когда Мари-Лиз Ру способствовала началу формальной регрессии, могла начать устанавливаться временная регрессия и измерение историчности.

Мари-Лиз Ру позволила этой очень трудной пациентке выйти из спутанности через проработку фантазма о матрициде, соответствующего агрессии сепарации и дифференциации, что она описала в одном из своих последних текстов как фантазм о матрициде. Психоз отсылает к проблематике *матрицида*, который является следствием одновременно невозможной *сепарации* и *дифференциации*: отделиться от матери означает перестать ее воспринимать, что на когнитивном уровне означает, что она умерла, а на уровне влечений – что субъект ее убил (Roux, 2014). Однажды Беатрис позвонила своему аналитику и закричала: «Сделайте что-нибудь, я все поняла, моя мать умрет, я ее убью, я всегда хотела ее убить, остановите меня».

Завершение лечения стало возможным, когда Беатрис смогла эмоционально осознать, что «то, что нужно было заставить исчезнуть, – означало необходимость репрезентировать другого как отличного от себя» (Roux, 2014, р. 18). Мы могли бы добавить, что этот фантазм о матрициде является деструктивным двойником фантазма возвращения в материнскую утробу, четвертого первофантазма, гипотезу о котором Фрейд выдвигает еще во второй топике. Мари-Лиз Ру рассказывает, что после нескольких лет психотерапии Беатрис смогла вступить на путь выздоровления: она возобновила занятия искусством и проходила сеансы с ассоциативной

способностью, которая свидетельствовала о приобретении способности к саморефлексии. И ее аналитик делает заключение: «Наши беседы все больше и больше напоминают классическую психотерапевтическую работу» (Roux, 1994, p. 35). После их расставания Беатрис продолжила ежегодно передавать своему аналитику новости о том удовольствии, которое она находит в своей деятельности художницы – сублимационном решении ее тревог.

Рафаэль: психоз и индивидуальная психоаналитическая психодрама

История Рафаэля, психотического пациента, иллюстрирует сложный аналитический путь в рамках индивидуальной психоаналитической психодрамы, длившейся более 15 лет. Психодрама является *символизирующим* кадром в той мере, в какой она опирается на *материализованного третьего*, который определяет дифференцированные пространства: пространство ведущего игры и пространство психодраматистов. При этом пациент присоединяется то к одному пространству, то к другому в зависимости от того, ведет ли он диалог с ведущим игры или играет сцену с одним или несколькими психодраматистами. Речь идет также о двойной темпоральности: *время с ведущим игры*, более близкое к вторичному процессу, открывающемуся для истории субъекта, и *время психодраматической игры*, более близкое к первичному процессу, характерному для вневременного бессознательного (*Zeitlos*) (Valon, 2022). Проблема состоит в том, чтобы перейти от циркулярной и повторяющейся темпоральности к темпоральности в форме спирали, открытой для историчности субъекта (Baranger, Baranger et Mom, 1988).

Изобретение индивидуальной психоаналитической психодрамы отсылает к роли *третьего персонажа* в институциональной работе, что теоретически обосновала Э. Кестемберг. Ее также можно рассматривать как терапевтическую модальность *третичности* в том смысле, как ее определяет Андре Грин (2002), в качестве «обобщенной теории триангуляции с заменяемым третьим» (p. 267). Эта материализация третьего обеспечивает таким образом условия для интериоризации третьего в психическом функционировании, особенно для пациентов, испытывающих трудности с тем, чтобы опереться на дифференцированную психическую топику.

Я хотел бы здесь упомянуть дискуссию с Рене Дяткиным (А. Жибо, 2015) о пользе психодрамы в лечении шизофренических пациентов: «Я думаю, что у меня есть теоретическая позиция относительно возможного использования психодрамы у шизофреников по сравнению с вербальной психотерапией. Дело в том, что одна из причин, по которым анализ с шизофрениками очень труден, – та же, что делает многих непсихотических пациентов или пациентов с легкой формой психоза антианализантами. **Они не умеют играть со словами.** Между тем психотерапевтическое или аналитическое лечение требует, чтобы в какой-то момент – возможно, не на всех сеансах – пациент имел способность играть со словами, то есть позволять себе говорить то, что приходит ему в

голову, удивляясь, что такие вещи могут приходить ему в голову. Однако, как все антианализанты и психотики, шизофреники находятся в постоянном актинге, и слово – это не то, с чем можно играть. Именно поэтому перенос довольно быстро трансформируется в бредовый перенос». И он добавлял: «Кроме того, необходимо провести целую дискуссию на тему того, как психодраматист, ведущий игру, и психотерапевты могли бы как единая терапевтическая команда контейнировать бредовые переносы. И вполне вероятно, что в индивидуальной психотерапии, какой бы формы она ни была, это зачастую невозможно... Идеализация психоаналитика рискует очень быстро трансформироваться в бредовую идеализацию, то есть в эротоманию, и затем превратиться в галлюцинаторный бред. Это единственный способ для пациента сделать синтез между негативной частью и позитивной» (р. 106–107).

Это замечание перекликается с тем, что предлагал Вассилис Капсамбеллис (2020) в аналитическом процессе с шизофреническими пациентами, а именно эротоманический этап. Преимущество эротоманического инвестирования объекта очевидно: в то время как шизофренический пациент находится в отказе от объекта и нужде в объекте, он таким образом интегрирует «дифференциацию Я и объекта, одновременно не затрачивая психические силы на утрату и горевание» (р. 149). Отсюда вопрос: разве психоаналитическая психодрама не является таким образом терапевтическим кадром, позволяющим преодолеть риск эротоманического бреда, характерного для паранойи?

В своем аналитическом приключении Рафаэль, психотический пациент с попыткой самоубийства в анамнезе и глубоким торможением, постепенно прошел через расщепление Я, отрицание времени и фантазм о самопорождении. Подход психодрамы позволил работать с его архаическими тревогами, репрезентацией его аффектов и структурированием его идентичности через игру и взаимодействие с психодраматистами. Вопрос о завершении лечения встал как итог глубокой терапевтической работы, предполагающей сепарацию от терапевтического кадра без провоцирования психического распада.

Одним из определяющих событий для Рафаэля стала его попытка самоубийства. Изначально он хотел выстрелить себе в голову и упасть в Сену, но осознал, что между нажатием на спусковой крючок и смертью существует временной промежуток, что привело его к госпитализации. Это осознание времени спасло ему жизнь и ознаменовало поворотный момент в его психическом процессе. До этого Рафаэль жил в отрицании времени и первосцене, представляя себя самопорожденным существом, вне всякой родословной и семейной преемственности.

Психодрама предоставила структурирующий кадр этому молчащему и заторможенному пациенту, позволив ему исследовать свою семейную историю, в частности фигуру дедушки по отцовской линии, обвиненного в коллаборационизме во время Второй мировой войны. Он погиб, упав с моста, что отозвалось в суицидальном воображении Рафаэля. Его отец, также подозревавшийся в коллаборационизме, но в итоге оправданный, воплощал амбивалентную фигуру отвержения и поиска идентичности.

После нескольких лет психодрамы Рафаэль постепенно преодолел отрицание времени и расщепление своего Я. Он сформулировал показательную фразу: «*Время нужно переделывать каждый день понемногу*», тем самым обозначив зарождающуюся способность интегрировать психическую темпоральность. всплыло воспоминание из детства: когда он был в коляске, он слышал, что его родители ссорятся с домовладельцем по поводу арендной платы. Он описал это событие как сцену «слов без звуков» – выражение, иллюстрирующее разрушительное молчание его родителей и его неспособность установить связь между языком и аффектом. Эта ранняя сцена представляла начало его расщепленного отношения к коммуникации и ощущениям.

На другой сессии Рафаэль рассказал о захватывающих визуальных ощущениях и галлюцинациях, которые у него были в детстве, в частности о видении Девы Марии во время просмотра фильма о Бернадетте Субиру. Этот тип галлюцинации проливал свет на его потребность бежать от слишком тревожной реальности и защитить себя от интериоризированной агрессии влечений.

Последующий сон, в котором *хирург удалял веки пациенту*, символизировал тревогу вторжения и страх быть обращенным в камень взглядом другого, отсылая ко взгляду Медузы. Постепенно Рафаэль понял, что его избегание взгляда было связано с разрушительной ненавистью, которую он проецировал на объект, и с тревогой быть поглощенным им.

Эпизод со словом «*rance*»/«*прогорклый*» ознаменовал решающий поворотный момент в анализе его чувственных расщеплений. Связав это слово с «*errance*»/«*блужданием*» и «*lait rance*» / «*прогорклым молоком*» (*NB: игра слов во французском: «ранс», «л'ерранс», «ле ранс»*), которое он отвергал всем нутром, он впервые смог разыграть свое архаичное отношение к матери, к запахам, к прикосновениям и к примитивным отношениям инкорпорации. Этот переход от слова к вещи позволил начать примирение между его телом и его восприятиями.

Еще одним значительным прорывом стало воссоединение с отцом после 25 лет молчания, последовавшего за разводом родителей в его подростковом возрасте. Рафаэль, который долго идеализировал психодраму и демонизировал внешний мир, постепенно согласился исследовать отцовскую фигуру и преодолеть свою ненависть к нему. Все эти диалоги с отцом вступили в резонанс с трансферентной проблематикой: это отец, который пишет и поддерживает связи с Россией, он понимает, что это имеет связь со мной (А. Ж. – Прим. пер.), поскольку увидел в интернете, что я цитирую русских авторов, и задавался вопросом, говорю ли я по-русски. Его интерес в последние годы к русской литературе стал частью его желания разделить со мной и группой психодрамы общий интерес, и, в частности, с русской коллегой Мариной Лукомской, о которой он знал, что она русского происхождения. Однажды он скажет, сложив две руки вместе, что понимает связь между своим инвестированием в русскую культуру вместе с нами и тем, что он пережил со своим отцом. Снятие вытеснения позволило ему восстановить воспоминание о том, как отец в детстве звал его: «Мой маленький русский кролик»!

Он таким образом осознал, что долгое время отказывался быть сыном своего отца из-за тяжести семейного стыда. Через сеансы он смог связать образ отца с менее преследующей преемственностью, рассматривая родство уже не как бремя, а как возможность стать частью родословной.

Вопрос о завершении лечения остро встал на последних этапах психодрамы. Рафаэль постепенно понял, что его привязанность к терапевтическому кадру не должна заменять укрепление во внешней реальности. Несколько элементов ознаменовали эту подготовку: преодоление расщепления между идеализированной психодрамой и преследующим внешним миром; принятие утраты как условия желания; идентификация с отцом и интеграция темпоральности как процесса сепарации; развитие стабильных любовных отношений и общего жизненного проекта.

Во время мероприятия, посвященного Ханне Сигал в Лондонском университете в 2007 году, у меня была возможность упомянуть аналитическую работу с Рафаэлем. В своем комментарии она затронула проблемы, связанные с завершением психодрамы Рафаэля: «Я хотела бы спросить вас, признал ли пациент напрямую помощь, которую он получил. Я задаю себе следующий вопрос: зависит ли улучшение состояния пациента от того, что пациент тайно получает инсайт, как по отношению к аналитику, так и по отношению к себе самому? Пациент в разной степени использует это улучшение в своей жизни, но продолжает приходить на сеансы только потому, что отчасти хочет таким образом реального контакта со своими эмоциями; это его позитивная часть, которая хорошо реагирует, но это тайное похищение делает его улучшение очень неопределенным. Я думаю, что риск заключается в превращении психодрамы в "анклав", в котором пациент имеет полный контроль над всеми своими обезчеловеченными объектами. Это означает, что он может сохранять эту ситуацию контроля на неопределенный срок». В то время Рафаэль все еще был заперт в расщеплении между идеализированным миром психодрамы и преследующим миром внешней жизни. Когда он задумывался о возбуждении, вызываемом визуальными ощущениями, утрата объекта для него влекла за собой утрату способности желать и невозможность сохранить воспоминание об удовлетворении иначе, чем обратившись к восприятию объекта. Мы смогли проработать эту проблему через интерпретацию негативного переноса, в частности забывания нашей работы от одного сеанса к другому.

Символизация сепарации стала центральной проблемой. Рафаэль смог выразить свои страхи через перенос, в частности упомянув тревогу утраты аналитика, подобную тому, как от потери своего отца. Однако он продемонстрировал новую способность облекать этот страх в слова и рассматривать сепарацию уже не как оставление, а как необходимую эволюцию. Позитивное инвестирование внешнего мира привело его к мысли о любовных отношениях с женщиной его возраста, которой в то время была около 60 лет. Рафаэль задумался о женитьбе и планировал переезд в провинцию, чтобы снять квартиру для жизни вдвоем, соответствующую финансовым возможностям двух пенсионеров!

В этом контексте он узнал, что его мать заболела и должна умереть: работа горя, которую мы с ним разделили, привела его к написанию письма своей матери, в котором он сказал ей: «Я тебя люблю». Он пожелал положить это письмо в гроб своей матери. Наша работа позволила ему проработать конфликт амбивалентности как по отношению к отцу, так и по отношению к матери. Завершение этой долгой аналитической работы совпало с его отъездом вместе с женой в город на юге Франции, который вызвал у него энтузиазм.

Завершение психодрамы Рафаэля вызвало проблематику контрпереноса, поскольку нам предстояло отгоревать пациента и аналитическую работу, которая породила существенное инвестирование. Желание поделиться с вами проблематикой завершения, вероятно, соответствует работе горя, с которой нас сталкивают такие пациенты. Ракамье (1984) писал: «Это терапевт первым вынужден проделать работу горя по пациенту, по своему нарциссическому обладанию, по его "выздоровлению": психическая автономия больного – это не тот плод, который аналитик может надеяться сорвать» (р. 4). Но в этой работе юмор, вероятно, является силой. Ракамье (1973) в своей статье «Между юмором и безумием» писал: «В юморе Я подвергает себя опасности так же, как в психотическом безумии. Разница в том, что оно лишь имитирует эту опасность, чтобы овладеть ею. Удовольствие от действия, которое оно от этого получает, тем больше» (р. 666).

Чтобы избежать того, что невыносимо для Рафаэля, в конце одной сессии психодраматист предложила решение в виде отстранения. На что Рафаэль ответил: «Может быть, есть другой способ. Если ты остроумная, если ты смешная, ну это может привлекать людей». Я тогда остановил сцену, сказав ему: «Это свойство юмора, а юмор – это важное качество в жизни». Он согласился, убежденно воскликнув: «Ах да, да!» И я добавил тогда: «Это как раз позволяет дистанцироваться от того, что может быть негативным в жизни». И Рафаэль тут же выдал ассоциацию: «У меня есть одна... Это Лабиш, определение эгоизма: "Это тот, кто не думает обо мне!"»

Аналитический процесс таким образом позволил Рафаэлю присвоить свою историю, проработать свои травмы и получить доступ к более свободному психическому пространству. Завершение психодрамы не было пережито как резкий обрыв, а как переход, открывающий непрерывность бытия. Условия, сделавшие это завершение возможным, включают **аффективную стабильность** благодаря любовным отношениям, инвестированным без мазохизма, **способность символизировать** сепарацию без обращения к расщеплению или декомпенсации, **психическую автономию**, позволяющую ему справляться с превратностями жизни, не разрушаясь.

Случай Рафаэля иллюстрирует путь субъективации, где психодрама позволила проделать глубокую психическую трансформацию. Завершение лечения означало не разрыв, а переход, позволивший пациенту инвестировать свою собственную жизнь с большей уверенностью и надеждой.

Сепарация была интегрирована как необходимый переход, а не как трагическая утрата, сделав возможным продолжение жизни, обогащенной наконец примиренным прошлым.

Александр: психотический кризис и завершение лечения

Александр, шизофренический пациент, наблюдавшийся в Центре Филиппа Помеля, был направлен в Центр психоанализа и психотерапии Э. и Ж. Кестемберг с показанием к психоаналитической психотерапии. Во время первой встречи со мной Александр описывает шизофрению как сложное заболевание, отмеченное бредовыми эпизодами и идеями-паразитами. Он рассказывает об опыте, когда ему показалось, что он увидел дьявола, что изменило его повседневный способ мышления. Страх неизвестного и психического вторжения занимает центральное место в его рассказе, особенно когда он говорит о своих идеях-паразитах, которые он сравнивает с кошмарами наяву, где восприятие времени становится хаотичным. Встреча с неизвестным, которое представляю я, сразу вызывает тревогу вторжения персекуторного объекта, дьявола, «человека, который приближается, и страх, который нарастает, а затем уменьшается, когда он уходит».

Он связывает появление своих беспокойств с прекращением медикаментозного лечения и тревожными профессиональными изменениями, такими как переезд в «*опен-спейс*», который усилил ощущение того, что за ним следят. Александр описывает прошлый психотический эпизод, во время которого он чувствовал себя под непрерывным наблюдением, в том числе в своих мыслях, что привело к его госпитализации в отделение психиатрии.

Его приверженность психиатрическим концепциям и медикаментозному лечению его успокаивает. Он также упоминает период глубокого одиночества во время учебы в Германии, который подтолкнул его к попытке самоубийства. В подростковом возрасте он воображал, что заражен сифилисом, хотя у него не было сексуальных отношений.

Через свой рассказ Александр раскрывает сильное торможение и страх агрессии внутри себя, которая отрицается и расщепляется. Он подчеркивает, что он человек застенчивый и что у него скорее хорошие воспоминания о детстве. У него есть брат на 18 месяцев младше его. Он говорит о своих отношениях с отцом, сосредоточенных вокруг спорта и шахмат, которые его до сих пор страстно увлекают. Его участие в шахматных турнирах свидетельствует об интересе к стратегии и контролю – ключевых элементах в его психодинамике.

Когда я спросил его, снятся ли ему сны, он вспомнил хороший сон, в котором он катался на лыжах, в остальном ему снятся только кошмары, содержание которых он не помнит, что часто характерно для шизофренических пациентов. Но он помнит один кошмар из детства: «*Мне приснился*

огромный паук, это было ужасно, в итоге, я проснулся с криком» – предпсихотический сон, близкий к ночным ужасам детства. Кроме того, он очень тревожится из-за страха совершить саморазрушительные или убийственные действия.

С первых сеансов Александр проявляет трудности с практикой воображения, но со временем он стал приносить все более символические сны, свидетельствующие о развитии его способности символизировать свои тревоги. Один из его первых снов воспроизводит двоюродную сестру, грубо обращающуюся со своим сыном, который впоследствии стал объектом сцены. Этот сценарий раскрывает перенос на ведущего игры и конфликт с садистическим родительским имаго, вызванный психодраматической ситуацией, поскольку в начале сеансов он был очень молчалив, что отсылало к его идее о том, что ведущий игры его преследует, требуя найти тему сцены для игры. Этот вектор движения продолжался до тех пор, пока ему не приснилось, что у него нет никаких идей!

В этом контексте он выразил желание прервать психодраму, чему я воспротивился, и он тогда согласился продолжать, в то время как его психиатр также сказал ему, что не следует прерывать психодраму. Хотя Александр мог стремиться сохранить отрицание и расщепление Я, мечтая стереть все репрезентации, работа в рамках психодрамы приводит его к большему столкновению со своей психической реальностью. В ходе некоторых ассоциаций он рассказывает нам, что его младший брат женился и у него только что родился второй ребенок. Мы размышляем вместе с ним о его потребности не говорить об этом, что указывает на дискомфорт и зависть по отношению к брату, который ведет ту жизнь, которая желанна для него самого: иметь жену и детей. В другой раз он также захотел прервать свои сеансы, чему я вновь воспротивился. Позже мы поймем, что он не выдержал того, что двое коллег разговаривали между собой, пока он общался со мной. Очевидно, это было возвращение к фантазму первосцены и невыносимому исключению, что мы тогда смогли с ним проработать.

На одном из последующих сеансов он, как обычно, предлагает сцену, в которой кто-то «за», а кто-то «против» – в данном случае за или против использования пестицидов. Он берет на себя роль того, кто «за», а роль человека, который «против», передает психодраматисту, сидевшей справа от него. В ходе этой сцены Александр прямо выражает желание уничтожить всех насекомых. Я связал это с ним с тем фактом, что в детстве у него был очень сильный страх паука во сне и что он мог хотеть его уничтожить. Ему стало необходимо уточнить, что паук – это не насекомое, что является способом отрицать страх, который он мог испытывать в детстве по отношению к имаго преследующей и опасной матери.

Затем у него возникает ассоциация со сном, который ему приснился после последней сессии: *«Кстати говоря, о снах, я видел один. Это был скорее кошмар, но довольно тревожный, на самом деле это был ядерный взрыв. Так вот... и потом мы были в машине, и потом надо было, вот и потом... вот, надо было, мы ехали. Там был мой брат, там была моя семья на самом деле. Там были мои родители, кажется»*. Этот значимый сон изображает ядерный взрыв, когда он находится в машине со своей

семьей, иллюстрируя его тревогу тотального разрушения и амбивалентное отношение к родителям и брату. Анализ этого сна подчеркивает его тревогу сепарации и латентную зависть.

На следующей неделе, пока мы отсутствовали семь дней по случаю зимних каникул, Александр пережил тяжелый психотический кризис, отмеченный убийственными идеями, направленными против своих родителей. Он кратковременно госпитализирован и возвращается к психодраме с решимостью больше не лгать себе. Этот период знаменует постепенное снятие отрицания и расщепления Я, позволяя ему вербализовать свои инцестуозные и разрушительные фантазмы. На одном из последующих сеансов он с большой откровенностью рассказывает о фантазме перверсного характера по отношению к своей матери, подчеркивая отсутствие вытеснения в своем психическом функционировании. После кризиса, последовавшего за сном о ядерном взрыве, этот сеанс свидетельствует о снятии отрицания и расщепления Я в выражении, посредством игры, его инцестуозных и убийственных желаний по отношению к матери.

На этом сеансе Александр предлагает в качестве первой сцены кого-то, у кого есть влечение к жизни и к смерти. Он начинает распределять роли справа налево. Сначала он выбирает Дженни Чан на роль человека, у которого нет влечения к жизни и смерти; скорее это связано с конфликтом вокруг деструктивности Александра. Александр высказывает первую идею: толкнуть кого-то в метро. Дженни Чан тогда разыгрывает эту идею: «Ах, это меня пугает, ты кому-нибудь об этом говорил?» Действительно, Александр осознает деструктивность, заключенную в этой мысли, где речь идет о том, чтобы толкнуть кого-то.

Дженни Чан тогда ассоциирует это с идеей толкнуть своего младшего брата, поскольку недавно мы разыгрывали его зависть и убийственные идеи по отношению к нему, а также чувство вины. В. Капсамбелис вмешивается в сцену, чтобы подчеркнуть вину и упомянуть о необходимости наказания за такие убийственные мысли, а именно тюрьмы или даже смертной казни.

Александр, несколько облегченный этой интервенцией, идет дальше и дает ассоциацию с тем, что у него могут быть перверсные идеи. Когда психодраматист спрашивает его «какие?», он делает удивительное замечание: «*Я трахал свою мать и писал на нее*». Грубость фантазма хорошо демонстрирует отсутствие вытеснения и необходимость отрицания и расщепления Я, чтобы сдерживать тревогу, вызванную этими деструктивными мыслями. Чтобы не оставлять его наедине с такими мыслями, его собеседница ассоциирует это с тем, что у нее самой были убийственные мысли по отношению к сестре – разрезать ее на куски, возвращая ему в отзеркаливании разрушительные идеи, которые являются мыслями, а не действиями, тогда как Александр долгое время находился в спутанности между мыслью и действием.

Я останавливаю сцену и размышляю вместе с ним. Я провожу связь между толканием младшего брата и мстостью матери за то, что она родила ему младшего брата, возвращая его к чувству покинутости, которое он мог пережить в полтора года. Он тогда ассоциирует это с тем, что в

детстве заболел серьезным заболеванием – менингитом, и проводит связь с тем, что, возможно, заболел потому, что не выдержал рождения младшего брата. Наша работа действительно направлена на то, чтобы выйти за рамки «нападений на связи», как их описал Бийон в своей знаменитой статье. Придание смысла без вторжения действительно выполняет функцию защиты от возбуждения и успокаивает тревогу Александра. На той же сессии Александр затем разыгрывает побег из тюрьмы, символизирующий его потребность быть наказанным за свои влечения, а затем сцену примирения с самим собой, тем самым иницируя психическую трансформацию.

После нескольких лет Александр переживает значимые изменения, выражая желание пойти на встречу к другому. Он разыгрывает встречу с потерянным из виду другом, демонстрируя свое желание воспринимать сепарацию как временную, а не окончательную. Затем он вводит в игру идею путешествия с билетом туда и обратно, в противовес тревоге отъезда без возврата, которую он пережил во время учебы в университете за границей. Постепенно он начинает задумываться о романтических встречах и в итоге объявляет, что встретил женщину китайского происхождения, на которой планирует жениться. Мы, естественно, не сказав этого Александру, подумали о латеральном переносе на Дженни Чан, на которую часто падал его выбор женщины-психодраматиста.

Столкнувшись с этими изменениями, Александр начинает задумываться о завершении своей психодрамы – на этот раз мы даем согласие на эту просьбу. После семи лет психодрамы последняя сессия отмечена сценой, в которой он встречает человека, который спустя годы обрел любовь и уверенность в себе. Эта игра позволила облечь в слова трансформацию, которую он пережил за время психодрамы. В последней инсценировке он решает сыграть человека, который учит друга нырять, тем самым иллюстрируя свою способность встречать неизвестное с доверием.

Он затем рассказывает о своих планах на будущее в работе и с женой, а также о планах переезда. Я подмечаю его постепенно приобретенную способность справляться с переменами и желаю ему удачи. К нашему большому удивлению, перед тем как нас покинуть, он открывает свою сумку и дарит нам открытку с сердечками, на которой написано: «Удачи в дальнейшем!», а внутри находится рукописное письмо, которое могло бы напомнить о пути, пройденном Александром, как о переходе от *зависти* к *благодарности*, в соответствии с названием знаменитой книги Мелани Кляйн (1957). Я зачитаю вам это письмо.

БРАВО

Всем докторам психодрамы.

Как вас благодарить? Когда то, что было объектом, заняло столь длительный период жизни? Когда в это было вовлечено столько людей? Когда помощь была оказана человеку, часто весьма упрямому, а то и во все неосознанному?

Спасибо вам за то, что настаивали, поправляли меня, поддерживали, советовали.

Спасибо за ваше терпение, вашу множественность, ваш боевой настрой! За вашу меру.

Спасибо вам, всем докторам групп психодрамы, от начала до конца. Вы меня вытянули!

Благодаря вам я начинаю выходить из бинарных рассуждений «все черное, все белое»; я научился узнавать себя, доверять себе, принимать свои мысли, свои эмоции.

Я желаю вам всем отличного и счастливого продолжения пути.

*Среда, 5 июня 2019 года, Париж,
Александр*

Заключение

Эта знаменательная работа Беатрис, Рафаэля и Александра по преодолению отчуждения и бесчеловечности шизофренической тревоги поднимает вопрос о проблемах психоаналитической работы при психозе и о возможности процесса завершения. Речь идет не столько о том, чтобы ограничиться противопоставлением невроза и психоза, сколько об оценке изменений в психическом функционировании этих пациентов. Работа, сделанная за все эти годы, позволила им получить доступ к способности символизировать, которую можно описать с помощью различных параметров: возможность больше использовать вытеснение и отрицание вместо обращения исключительно к психическим механизмам отрицания и расщепления Я; вновь приобретенная способность к саморефлексии и ассоциативности, которые, по словам Фрейда, являются одним из результатов аналитической работы (*Freud, 1937 [1937c]*)¹; способность переживать конфликт амбивалентности по отношению к одному и тому же объекту, как показывает инвестирование Рафаэлем отцовского и материнского имаго; способность мечтать и фантазировать, которые заняли важное место после нескольких лет аналитической работы; способность развивать перенос, включающий дифференцированные родительские имаго; способность преодолевать вину за существование и существование для себя (*Guillaumin, 2014*); развитие способности инвестировать темпоральность и изучение себя в историческом контексте; способность выйти за рамки первичных идентификаций (адгезивная идентификация, патологическая проективная идентификация) и получить доступ к модальностям вторичных идентификаций (*Gibeault et Roux, 1999*).

Опыт игры позволил этим пациентам в большей степени преодолеть первоначальное расщепление между репрезентациями и аффектами и лучше понять то, что когда-то не позволяло им находить решения для

¹ «Мы ожидаем, что стимулы, содержащиеся в личном анализе, не прекратятся с его окончанием, что процессы перестройки Я продолжатся спонтанно у анализируемого и они будут использовать весь будущий опыт в недавно приобретенном смысле», р. 50–51.

противостояния движениям своих влечений, а только лишь прибегать к отрицанию и расщеплению Я и разрушать объект, чтобы не потерять его. Воссоединение с опытом сновидений показало способность лучше принимать различия с другим и тем самым лучше становиться субъектом самого себя. Сновидение показывает, что если оно и является хранителем сна, то оно прежде всего хранитель телесной целостности и гарант ощущения существования. Но если речь идет прежде всего о стирании репрезентаций, чтобы не быть захваченным аффектами, риск заключается в атаке на способность фантазировать, мечтать и думать. Как показало дальнейшее развитие, эти пациенты не были полностью защищены от тревоги, способной их захватить и поглотить, но их терапевтический путь можно понять как важное свидетельство способности Я лучше справляться с агрессией влечений, трансформируя ее в аффекты и репрезентации, более связанные между собой. Эта работа позволила им в большей степени осознать свой психический конфликт и тем самым получить доступ к истине о самих себе.

Психоаналитическая работа таким образом материализует ослабленные *пространство* и *экран* снов и позволяет психотическому пациенту видеть сновидения – хранители сна, а не быть, согласно гипотезе Ракамье (1976), самим сновидениями: «Психотики, вместо того чтобы видеть сны, сами являются снами – они воплощенные сны своего объекта и живут за счет настойчивого, но случайного существования, которым живут и сны» (р. 192). Аналитическое приключение этих пациентов показывает, что таким образом возможно открыться измерению воображаемого и неизвестного, не боясь быть захваченным агрессией влечений. Как напоминал Ракамье (2000) в одном из своих коротких текстов, речь идет о том, чтобы помочь этим пациентам перейти от *пространства бреда* к *переходному пространству*, что возможно благодаря игре. Мари-Лиз Ру помогла своей пациентке Беатрис играть и тем самым получить возможность представить себе, как она ее однажды покинет. Психодрама также предоставила таким пациентам, как Рафаэль и Александр, которые когда-то были не способны сказать «это был всего лишь сон», возможность сказать «это была всего лишь игра» и таким образом преодолеть тревогу уничтожения, до того момента невыразимую. Окончание процесса завершения действительно измеряется этой вновь приобретенной способностью к ассоциациям, как определял ее Фрейд в качестве критерия завершения, что сводится к вновь приобретенной способности у психотических пациентов играть со своими аффектами, репрезентациями и словами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Baranger M., Baranger W. et Mom J. M. (1988). Process and Non-Process in the Psychoanalytic Session, in International Journal of Psychoanalysis, 69, 55–73.
2. Bion W. R. (1970). L'attention et l'interprétation. Paris, Payot, 1974, 215.
3. Donnet J.-L. (1983). L'enjeu de l'interprétation, in Le divan bien tempéré. Paris, PUF, 1995, 175–188.

4. *Freud S.* (1915 [1915c]). Pulsions et destins de pulsions, in *Œuvres complètes. Psychanalyse*, XIII, 1914–1915. Paris, PUF, 1988, 161–185.
5. *Freud S.* (1915 [1917d]). Complément métapsychologique à la doctrine du rêve, in *Œuvres complètes. Psychanalyse*, XIII, 1914–1915. Paris, PUF, 2005, 243–258.
6. *Freud S.* (1915–1917 [1916–17]). Leçons d'introduction à la psychanalyse, in *Œuvres complètes. Psychanalyse*, XIV, 1915–1916. Paris, PUF, 2000, 516.
7. *Freud S.* (1923 [1924b]). Névrose et psychose, in *Œuvres complètes. Psychanalyse*, XVII, 1923–1925. Paris, PUF, 1992, 1–7.
8. *Freud S.* (1925 [1925h]). La négation, in *Œuvres complètes. Psychanalyse*, XVII, 1923–1925. Paris, PUF, 1992, 165–171.
9. *Freud S.* (1937 [1937c]). L'analyse finie et l'analyse infinie, in *Œuvres complètes. Psychanalyse*, XX, 1937–1939. Paris, PUF, 2010, 13–55.
10. *Freud S.* (1938 [1940a]). Abrégé de psychanalyse, in *Œuvres complètes. Psychanalyse*, XX, 1937–1939. Paris, PUF, 2010, 225–305.
11. *Gibeault A. et Roux M.-L.* (1999). Finalités et fins de traitement des patients psychotiques, in J. Chambrier, R. Perron, V. Souffir (Dir.), *Psychoses II, Aux frontières de la clinique et de la théorie*. Paris, PUF, 65–74.
12. *Gibeault A.* (2015). René Diatkine et le psychodrame. Réflexions sur l'approche psychanalytique de la psychose, in Dir. F. Quartier et A. Casanova, *L'héritage vivant de René Diatkine*. Paris, PUF, 103–127.
13. *Green A.* (1980). Passions et destins des passions. Sur les rapports entre folie et psychose, in *La folie privée*. Paris, Gallimard, 1990, 141–193.
14. *Green A.* (2002). Idées directrices pour une psychanalyse contemporaine: méconnaissance et reconnaissance de l'inconscient. Paris, PUF, 400.
15. *Guillaumin J.* (2014), *Origine de la haine et fantasme matricidaire*, in *Guillaumin J. (Ed.) Fantasme de matricide et culpabilité inconsciente*. Paris, Dunod.
16. *Guillaumin J. (Ed.)* (2014). *Fantasme de matricide et culpabilité inconsciente*. Paris, Dunod.
17. *Kapsambelis V.* (2020). *Le schizophrène en mal d'objet*. Paris, PUF, 241.
18. *Kestemberg E.* (1958). Quelques considérations à propos de la fin du traitement des malades à structure psychotique, in *La psychose froide*. Paris, PUF, 2001, 15–54.
19. *Kestemberg E. et J., Decobert S.* (1972). *La faim et le corps*. Paris, PUF, 304.
20. *Kestemberg E.* (1975). La relation fétichique à l'objet, in *La psychose froide*. Paris, PUF, 2001, 77–101, 221.
21. *Kestemberg E.* (1981). Le personnage tiers: sa nature, sa fonction, in *La psychose froide*. Paris, PUF, 2001, 145–177.
22. *Klein M.* (1957). Envie et gratitude, in *Envie et gratitude et autres essais*. Paris, Gallimard, 1968, 9–93.
23. *M'Uzan M. de* (1998). Impasses de la théorie, théories indispensables, in *Revue française de psychanalyse*, t. 62, numéro spécial congrès, 1459–1463.
24. *Pasche F.* (1971). Le bouclier de Persée, ou psychose et réalité, in *Revue française de Psychanalyse*, t. XXXV, n 5–6 : *Psychanalyse et réalité*, 859–871.
25. *Racamier P.-C.* (1973). Entre humour et folie, in *Revue française de psychanalyse*. t. 37, n°4, 655–668.

26. *Racamier P.-C.* (1976). Rêve et psychose : rêve ou psychose, in *Revue Française de Psychanalyse*, t. 40, n 1, 173–193.
27. *Racamier P.-C.* (1984). La cure psychanalytique individuelle des schizophrènes, in *Encycl. Med. Chir. Paris, Psychiatrie*, 37295 C10, 2.
28. *Racamier P.-C.* (1992). Le génie des origines. *Psychanalyse et psychose*. Paris, Payot, 420.
29. *Racamier P.-C.* (2000). Un espace pour délirer, in *Revue française de Psychanalyse*, 64, n°3, 823–829.
30. *Roux M.-L.* (1997). L'approche psychanalytique des schizophrènes, in *Bulletin de la Société Psychanalytique de Paris*, n°45, 116–123.
31. *Roux M.-L.* (1994). La contrainte à la représentation, in *Dir. A. Fine, R. Perron, F. Sacco, Psychanalyse et préhistoire*. Paris, PUF, 31–39.
32. *Roux M.-L.* (2014). Culpabilité inconsciente et fantasme de matricide, in *J. Guillaumin (Ed.), Fantasme de matricide et culpabilité inconsciente*. Paris, Dunod, 1–33.
33. *Segal H.* (2007). Communication lors d'un hommage à Hanna Segal (Université de Londres) (inédit).
34. *Valon P.* (2022). Espace et temporalité: leur construction par le psychodrame psychanalytique, in *Psychanalyse et psychose*, n°22, 41–58.

Termination Process in Psychosis: Neither Interruption nor Endless Treatment

A. Gibeault

(Translated from French by Rosa Sakhle)

Alain Gibeault, psychoanalyst, full-time member of the International Psychoanalytic Association, Titular member of the Paris Psychoanalytic Society (SPP), training analyst of SPP, Past President of the European Federation of Psychoanalysis, Past Secretary General of the International Psychoanalytic Association, Honorary Director of the E. and J. Kestemberg Center for Psychoanalysis and Psychotherapy in Paris.

In this paper, the author revisits the hypothesis of neurotization of psychosis as a therapeutic goal, analyzing its relevance in light of contemporary psychoanalytic research. The metapsychological aspects of change in psychosis are discussed, along with the features of the analytic process, including transference, splitting of the ego, and denial. Drawing on clinical cases of psychotic patients, the conditions for successful termination treatment are demonstrated, highlighting the transition from alienation to the capacity to symbolize, associate, and play with affects, representations, and language.

Keywords: psychosis, termination of treatment, neurotization, splitting of the ego, psychodrama.